

ДЖОН

Пещеры под Стеной плакали слезами синего цвета, льда и снега, слезами, которые холодом стекали по гладким стенам и замерзали в воздухе, прежде чем достичь земли. Джон Сноу чувствовал холод во рту. На его замерзших губах блестела красная корка, там, где Гренн нанес ему удачный удар по губам во время тренировки. Он заслужил это, как наказание за свои блуждающие мысли тем утром — но ему нужно было так много о чем подумать... Станнис Баратеон, размышляющий высоко в Королевской Башне, его солдаты, которые были тяжелым бременем для ресурсов Дозора...

И красная женщина. Красная женщина больше всех, размышляющая в своих покоях и произносящая темные слова пламени. «Она рождает там демонов», — пробормотал Вик за кашей Строгатель днажды утром.

«Я слышал, как некоторые из людей короля говорили то же самое», — сказал Сатин.

Гренн фыркнул. «Не будь идиотом — как она могла родить, когда там нет ни одного мужчины?»

«Это темное колдовство», — сказал кто-то.

«Но всегда есть король. Я полагаю она могла бы быть с ним».

Они насмеялись над этим, но Джон слышал рассказы о том, что король Станнис покидал свою башню в редких случаях, и всякий раз, когда он это делал, он спешил в покои леди Мелисандры. И люди слышали то, что хотели... странные шумы, блаженные звуки - ни одного от сурового короля, конечно, но стоны удовольствия леди Мелисандры были в изобилии. Почему Станнис оказался таким неверным? - задавался он вопросом. Селиса Флорент не Мелисандра, но все же Станнис - человек принципов, чести и долга.

Но лорд Эддард Старк был человеком принципов, чести и долга, и все же в Винтерфелле жил бастард по имени Сноу.

Сквозь дымку мыслей Джон спустился, протянув одну руку, чтобы схватить свой факел. Мир был окутан полумраком, и языки пламени от его света рисовали длинные тени на ледяных стенах пещеры. Здесь внизу земля каким-то образом была не совсем замерзшей, но каменные полы были покрыты полосами льда, который мерцал, как молочное стекло. Когда он посмотрел вниз, он увидел свое собственное лицо, глядящее в отражение. Нащупывая пояс, он отцепил связку ключей, где они висели, инкрустированную бледным инеем, и повернул их в дверном замке так, что они завизжали со звуком, обжигающим его уши.

«Ворона», — сухо сказал Манс Налетчик, когда он вошел. «Лорд Сноу». Он отвернулся, глядя туда, где в обычной камере могло бы быть окно, но его там не было, только еще одна стена льда.

Джон опустил голову, хотя король одичалых этого не видел. Я должен ему немного уважения. Для пленного короля он может быть и велик, но когда-то он правил землей, такой большой, как одно из Семи Королевств, и имел власть над кланами от Залива Тюленей до Сурового Дома.

«Ваша светлость», — вежливо сказал он.

«Мне сказали, что теперь вы сами командуете этим местом, лорд Сноу», — сказал Манс, не улыбаясь. «Что, к сожалению, делает нас двоих смертельными врагами по традиции».

«Я думал, что такие вещи, как традиции, не будут волновать свободный народ».

Манс, возможно, улыбнулся, когда повернулся к Джону. Его лицо было покрыто серыми морщинами и странно обветрено, а выражение лица было мудрым и величественным, не слишком отличаясь от короля Станниса, по правде говоря. Его плащ с красной подкладкой висел на плечах, но Король За-Стеной, казалось, обвис в нем, выглядя несколько старым и дряхлым. Победленным.

«По крайней мере, мы позволили ему сохранить плащ», — подумал Джон. Он жил ради этого плаща. «Хорошо сказано, лорд Сноу», — сказал Манс. «Хотя я и удивляюсь... зачем вам такая обуза, как Стена?»

«Сам не знаю», — коротко ответил Джон.

«Пришли на переговоры, лорд-командующий?» — спросил одичалый. В его голосе слышалась насмешка.

«Я надеялся, что мы сможем... поговорить, Ваша Светлость».

Манс кивнул и тонко улыбнулся. «Я не король, больше нет. Мое правление закончилось в тот день, когда ваш король-коленипреклоненный пришел со своими пылающими знаменами, со своими щитами, копьями и лошадьми, чтобы замерзнуть к северу от Стены. Это была ваша удача, а моя неудача, это была единственная причина, по которой Черный Замок остается стойким против моего народа. И теперь они сломаются и побегут, сбегут, чтобы восстановить свою жизнь в Крепости Крастера и Белом Древе, они вернуться в Воющий перевал и отправятся сквозь вихревые ветра в Теннию. Какое-то время они останутся там, Лорд Ворон. А потом...» Его глаза посмотрели на Джона, ища ответ, который знали они оба. Ублюдок не произнес ни слова. Если я уступлю эти слова, то он поймет, что я понимаю его бедственное положение; что я должен подчиниться ему. Но если я не...

«Зима», — сказал Джон Сноу. «Зима близко».

«Да», кивнул Манс Налетчик. «Так оно и есть. Старки были правы. Они всегда были правы. Зима приближается, лорд Сноу, и мы оба знаем, что с ней придет. И когда она

наступит... ваши короли-коленипреклоненные, ведущие свою бесполезную войну на юге, не смогут ее остановить, разрозненные вожди одичалых и все их великие племена не смогут ее остановить, сотня или около того людей, которых вы оставили в Ночном Дозоре, не смогут ее остановить. И тогда, лорд Сноу, они узнают. Они узнают, кто помешал им пройти через Стену к безопасности и к лучшему будущему. Для всех нас. И это будет ваше имя, Джон Сноу, ваше имя, которое они проклянут, когда Иные постучатся в их двери и вырежут их, одного за другим, ваше имя, которое матери будут стонать, умирая, защищая своих детей, ваше имя, которым тысячи тысяч воинов поклянутся отомстить, когда голубоглазые твари заберут их души и снова поднимут их как упырей, ваше имя, которое армия белых ходоков будет кричать, чтобы все человечество услышало, имя, которое проклянут сами старые боги. Конец света близок, лорд Сноу, но кто его уничтожит — синие-синие монстры или черные вороны?

Когда он не ответил, Манс продолжил. «Ты, конечно, понимаешь. Я надеюсь. Помни свои обеты, Лорд Сноу. Я — щит, что охраняет царство людей. Царство людей. Разве За-Стеной не входит в Царство людей?»

Джон пристально посмотрел в глаза другого мужчины, будучи ему обязанным. «Если бы ты был моим пленником, я бы хотел, чтобы мы могли говорить более свободно. Но тебя держит в плену король Станнис, и я ничего не могу для тебя сделать».

Манс долго смотрел на него. «И почему ты преклоняешь колени перед этим человеком, лорд Сноу? Он чем-то лучше остальных из нас? Он человек или бог? К северу от Стены у богов нет ни лиц, ни имен, ни желаний, ни прихотей. Он говорит о воле южной Семерки или Бога Огня? Говорят, они пришли в Суровый Дом — сто лет назад, другая жрица, с глазами синего и зеленого цвета. Красная звезда, истекающая кровью, сказали они».

Джон вспомнил комету, которая пронеслась по небу так давно, когда Старый Медведь и тысяча следопытов отправились на помощь Кулаку Первых Людей, они сражались там, сражались там и погибли там, а их черные плащи легли на покой среди снегов и груд драконьего стекла.

Манс продолжал, глядя мимо Джона. Ему было не по себе, но он не осмеливался отстраниться. «Я знаю, чего хочет от меня Станнис Баратеон. Верности. Клятвы. Преданности. Он ее не получит».

Джон склонил голову. «Я так и думал».

«Он послал вас сюда, не так ли, лорд Сноу?»

Он кивнул, справедливо едва заметно. Манс вздохнул. «Я должен был представить, что он надеялся, что я буду более сговорчивым, встретившись с... знакомым лицом. Я уважаю этого человека, о, да — руководить нелегко. Но он руководит, потому что считает это своим долгом, а не потому, что хочет этого, и он не вдохновляет других следовать за ним. Разве Тенны, кланы ледяных рек, Рогатые Ноги и великаны объединились бы вокруг меня, если бы они не верили в меня?»

«Нет», — сказал Джон. Это было простое слово, но оно отразилось от всех стен и наполнило его голову тьмой.

«Моя задача была не из легких, лорд Сноу», — сказал Манс Налетчик. «Я завоевал их преданность хитростью, в основном, или в бою, когда это требовалось от меня. Я победил, рассказав им о приближении зимы и о том, что мы можем бороться с ней только сообща. Но они едва ли последовали за мной. Они определенно не последуют за Станнисом Баратеоном. Свободный народ не преклоняет колени. Тогда или сейчас. Если я преклоню колено перед королем, они больше никогда не будут меня уважать».

«И они все умрут», — просто ответил Джон. «Они умрут. Иные уничтожат их всех. Все из-за ради твоей гордости».

Манс сплюнул. «К чёрту мою гордость, лорд Сноу. Я делаю это не для себя. Я делаю это для них. Тебе нужны доказательства? Я их боюсь. Эта красная ведьма собирается сжечь меня, не так ли?»

Джон медленно и осторожно кивнул.

«А», — сказал Манс. «Тогда я буду гореть хорошо. Как растопка из красного дерева. И я буду гореть ярко, как маяк для всех остальных...»

«Есть ли там и другие?»

Король усмехнулся. «Конечно, есть, лорд Сноу. Люди, которые по-прежнему верны мне превыше всего. Ты встречал их в моем лагере, прежде чем ты повернулся к нам спиной и потерял свободу ради черной тюрьмы».

"Честь»

«К чёрту честь», — прямо сказал Манс. «Будет ли честь иметь значение, когда Иные придут за нами? Будет ли иметь значение, что думают о тебе люди? Какие песни они поют для тебя, когда тебя не станет? Они больше не будут петь, не после того, что с ними сделали мертвецы. Единственной песней, которую они споют, будет тишина. Так что «нет» твоему предложению, ворона. Я не поведу их за Станнисом. Я не поведу их. И они умрут по твоему слову, лорд Сноу».

«Не моего», — сказал Джон. «Твоего». Он повернулся, чтобы уйти.

«Спокойной ночи, Джон Сноу», — сказал король.

«И тебе», — сказал Джон и пошел.

Наверху, над замком падал снег, густое белое покрывало из существ, которые танцевали, как блуждающие огоньки на утреннем ветру. Джон наблюдал за всем этим из своих покоев, и в хлопьях он мог видеть их лица. Робб, который сражался рядом с ним день и ночь, все лето и осень, самый верный брат из всех. Санса, сидящая на подоконнике со своими иглами и септами, лебезящими перед ней. Арья, с ее лошадиным лицом и ее бугристой головой и ее маленькой иглой, скребшая в кустах и катающаяся в грязи. Бран и Рикон, убитые до срока жестокими действиями Теона Грейджоя. Последние мысли застряли в его голове больше всего.

Все ушло. Все ушло. Все ушло. Я — дозорный на Стене. Щит, охраняющий царство людей.

«Зима действительно приближается», — раздался голос из дверного проема. И, конечно же, Мелисандра из Асшая стояла там, ее шелка развевались на холодном ветру. Хотя ее кожа была такой же бледной и холодной, как всегда, она, казалось, не чувствовала пронизывающего ветра за ставнями.

Кричал и ворон Мормонта, запертый в углу. «Пожар! Пожар! Пожар!» — прокричал он и затих.

Мелисандра с любопытством посмотрела на птицу, прежде чем снова повернуться к нему. «Дни становятся темнее, Джон Сноу, а ночи еще темнее».

Джону захотелось фыркнуть: «Это что, еще одна из ваших загадок, миледи?»

Она не ответила ему. «Я вижу ясно, как день, и все же, когда я смотрю на твое лицо, оно размыто, как дым». Мелисандра сделала три шага вперед, ее шаги эхом отдавались по булыжникам, и подняла его лицо к своему, внимательно изучая его. «Скоро, так или иначе, мои видения сбудутся, Джон Сноу, хотя, возможно, и не так, как я ожидаю. Господь не лжет своим слугам, но ни один священник Господа не может обойтись без своих просчетов».

«Кажется, вы ужасно часто ошибаетесь в расчетах, миледи», — сказал Джон.

«Хм... возможно... хотя только время покажет правду, лорд Сноу. Вы не дурак, вы видели воочию, какое волшебство часто приносит с собой зима».

«Его светлость нуждается во мне?» — спросил он.

Мелисандра улыбнулась по-своему, и ее глаза заблестели. Она выглядела так, будто собиралась сказать что-то личное и особенное, но затем сглотнула и тихо заговорила. «Король одичалых?»

«Он не согласился».

Она совсем не выглядела удивленной. Возможно, она действительно увидела это в

пламени, подумал Джон. «Они гордые люди», — сказала Мелисандра. «Храбрые люди... но упрямые. И поэтому они должны сгореть».

"Они?»

«Конечно, лорд Сноу. Ведь если король не преклонит колени, то почему это должен сделать простой последователь?»

"Они не..."

«Таковы приказы Его Светлости», — твердо сказала она и отвернулась, чтобы посмотреть на королевский тракт, который вел от ворот Черного замка в туманы, петляя и извиваясь в снега. «Король Станнис отправляется в Темнолесье завтра утром, лорд Сноу».

«Я не думал, что это произойдет так скоро».

Мелисандра повернулась к нему и улыбнулась через плечо. «Время уходит. И зима приближается».

Ее глаза немного сверкнули, когда она отвернулась, оставив его наедине с вороном Мормонта. Как и много раз до этого, он задавался вопросом, какова была истинная цель ее визита, и, как обычно, не нашел ответов.

Он послал за Сатином и поручил ему найти Боуэна Марша. Совет управляющего стал самым близким к мудрости мейстера Эймона или Сэма за те месяцы, что они отсутствовали. Но Сэмвелл Тарли был в другом месте, и у него была своя задача — обыскивать библиотеки Староместа в поисках томов о драконьем стекле. В месте, куда более безопасном, чем здесь, подумал Джон.

Вся Стена в эти дни разваливалась, по одной ржавой петле за раз. Боуэн Марш плохо перенес снег, и его волосы были усеяны снежинками. Сатин появился позади него, держа бутылку глинтвейна и две чашки. «Возьми себе чашку, Сатин», — сказал ему Джон, — «Иди и найди себе огонь».

С этими словами он повернулся к Боуэну Маршу. «Становится холоднее и темнее. Сколько у нас еды?»

«Хватит, чтобы продержаться два-три года, как мы есть, может, мы могли бы растянуть это на четыре года на половинном пайке, на пять или шесть на крысах и опилках». Джон постучал каблуками по полу. Это было не воодушевляюще.

«Значит, некому кормить армию Станниса?» — спросил Джон, зная ответ, но Марш выглядел неуверенным.

Боуэн Марш кивнул. «Этого недостаточно, лорд-командующий. Вы слышите шепот...»

Он резко оборвал себя, но Джон был любопытен. «Какой?» — спросил он.

Марш отхлебнул глинтвейна: «Они говорят, что в обетах Дозора не сказано, что нам следует быть такими прямолинейными с королем Станнисом».

«Он единственный король, который пообещал нам, мужчинам, присоединиться к нам на Стене, и, что более важно, он верит в справедливость».

Управляющий стиснул зубы: «Лорд-командующий, большинство наших братьев родом из Простора, Королевских земель или Речных земель. Из мест, которые не поддерживают Драконий Камень. Они не любят Станниса, а значит, и тебя».

«Ты забыл свои обеты, Боуэн? мы должны оставить наши старые жизни позади». Несмотря на то, что он сказал, Джон не мог не посочувствовать немного, в конце концов, он пытался бежать со Стены после казни своего отца. Его собственное лицемерие было таким же плохим, как и их, если не хуже. «Станнис обещал нам снабжение людьми, пленниками из его сражений и его завоеваний».

«При всем уважении, лорд-командующий, он еще не выиграл ни одной битвы на юге».

«Да. Но он все равно поскакал к нам на помощь, пока другие воевали на юге. У него есть навыки, и никто не станет отрицать, что у него есть преданность», — сказал Джон, пытаясь убедить себя в своем решении так же, как и Марша. У него есть честь, думал он, но честь убила лорда Эддарда. Честь убила Робба. Может быть, честь — для дураков...

«Откуда вы знаете, что он вернется?» — спросил Боуэн Марш. «При всем уважении, этот человек может замерзнуть во время своего марша. Здесь чертовски холодно».

«Всегда чертовски холодно», — сказал Джон. «Идите и найдите себе тепло, сир. Огонь или что-нибудь еще».

«Как скажете, лорд-командующий», — сказал Боуэн, наклонил голову и ушел, оставив Джона одного.

Позже той ночью его мысли снова обратились к Арье и семье. Он вспомнил время до Ночного Дозора, когда он долго задавался вопросом о личности своей матери, но теперь у него не было матери, только братья.

Но были и те, кого он по-настоящему любил, до этой стаи.

Призрак был поздно ночью, но это не помогло его воспоминаниям. Он ворочался на своей койке, но было холодно. Всегда было чертовски холодно. А с приходом Иных, скорее всего, станет еще холоднее. В глубине души он знал, что не сможет удержать Стену в одиночку. Я — щит, который охраняет царство людей.

И какими бы дикими и неотёсанными они ни были, одичалые за Стеной всё равно были людьми. Они были живыми и дышащими мужчинами, женщинами и детьми, которые будут жить и умирать на своих постах, а затем отправятся на юг холодными вещами, мёртвыми вещами, вещами, намного хуже, чем они были раньше. Но было ли правильным поворачиваться спиной к братьям.

Нет, подумал он. Но в его сердце говорил голос, шепот на ветру. Как сон варга, почти. И он чувствовал вкус крови на языке, запах Призрака в воздухе и чувствовал, как приближается его сон.

По какой-то причине она ему приснилась.

«Кинжалы во тьме, Джон Сноу, — сказала она. — Кинжалы во тьме».

Он потянулся, чтобы схватить молочное отражение ее лица, ибо он был не Джоном, он был Призраком, а красная женщина стояла в арке и пела ветру снаружи.

Кинжалы во тьме, Джон Сноу, кинжалы во тьме.

«За Дозор», — сказал Боуэн Марш.

«Ночь темна и полна ужасов», — сказала Мелисандра из Асшая.

Отец сказал ему, что приближается зима.

Но один голос прорезался сквозь остальные. Джон, сказал он, проснись. Проснись и возьми с собой Длинного Когтя. Делай, что хочешь, но ты должен оставить Стену позади.

Бран, подумал он, пытаюсь получить ответ. Но Бран был мертв.

За Стеной, Джон, сказал голос. И обратно, сюда, где мы стоим. Время уходит. И зима приближается.

«Где?» — лихорадочно заскулил он, не спал и не бодрствовал.

Огонь, сказала красная жрица. Рассвет. Ты ничего не знаешь, Джон Сноу.

Он открыл глаза. Он почувствовал запах пламени, когда проснулся.

<http://tl.rulate.ru/book/114885/4460242>